

2000 подписчиков (при том что журнал начал выходить только в марте, когда подписная кампания на год уже закончилась). В алфавитном указателе подписчиков, который контора журнала поместила в декабрьской книжке за 1900 год, среди лиц, пожелавших указать свой социальный статус, преобладают священники разных рангов, врачи и учителя.⁴⁹ Среди подписчиков журнала числились также военные, представители технической интеллигенции и аристократии. По данным, приведенным Ясинским, можно судить, что журнал имел успех у среднеинтеллигентного читателя. Число подписчиков журнала возрастало с каждым годом, и в 1902 году Ясинский уже сообщал читателям «Почтальона» о том, что «Ежемесячные сочинения» имеют от трех до четырех тысяч подписчиков. Для сравнения в статье были указаны данные по другим российским толстым журналам. По утверждениям Ясинского, журналы «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство» и «Мир Божий» обладали подписчиками числом от пяти до семи тысяч.⁵⁰ Справедливости ради упомянем и о том, что собственные периодические издания символистов имели гораздо меньшее количество читателей: у журнала «Новый путь» к концу 1903 года число подписчиков составляло 2558 человек, «Весы» в первый год издания смогли собрать только 670 подписчиков.⁵¹ Очевидно, что журналы Ясинского обладали большим влиянием на читательскую аудиторию, чем и поспешили воспользоваться писатели-символисты. Ясинский своей журнальной деятельностью в начале XX века сумел подготовить большой круг читателей к принятию идеи литературного журнала символистской направленности, а созданные позднее периодические издания символистов, имея свою особую историю и логику вписывания в литературный процесс, возникали, конечно, не на пустом месте.

«Ежемесячные сочинения» Ясинского просуществовали до конца 1903 года. В 1904 году они были слиты волей издателя с журналом «Беседа», возникшим в 1903 году на базе существовавшего всего год «Почтальона». По-видимому, Ясинский считал неэкономным издание сразу двух литературных журналов, хотя и старался по возможности разделить сферы их влияния на читательскую аудиторию. После слияния с «Ежемесячными сочинениями» «Беседа» просуществовала еще до 1908 года. Издательский проект Ясинского был с успехом реализован.

⁴⁹ См.: [Б. п.]. Алфавитный указатель подписчиков // Ежемесячные сочинения. 1900. Т. 3. № 12: Декабрь. С. 407–416.

⁵⁰ См.: [Ясинский И. И.]. Библиотека // Почтальон. 1902. № 1: Март. С. 21–25.

⁵¹ Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 273.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-111-116

© С. А. Кибальник

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ИЗ ПОСЛЕДНИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЗАМЫСЛОВ Л. Н. ТОЛСТОГО

26 октября 1910 года, т. е. за сутки до своего «ухода» из Ясной Поляны, Толстой записал в дневнике: «Видел сон. Грушенька, роман, будто бы, Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет».¹

Сны великих писателей, в том числе и виденные ими в самые драматические моменты жизни, вряд ли заслуживают того, чтобы их разгадывали филологи — наверное, за исключением тех, которые связаны с творчеством.

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1934. Т. 58. С. 122. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно с указанием номера тома и страницы.

Именно так обстоит дело с данным сновидением. В письме к В. Г. Черткову от того же дня Толстой назвал его «прелестным нынешним, художественным», а также сообщил о своем намерении зафиксировать его и несколько других подобных снов «хотя бы в виде конспектов» (89, 230). Уже в Оптиной пустыни Толстой повторил этот сон в записной книжке в списке тем художественных замыслов: «Роман Стр<ахова> Грушеньк<а> экономка» (58, 558).

Понятно, почему в этом сне Толстому явилась героиня романа Достоевского «Братья Карамазовы»: потому что он его в это время перечитывает (см.: 58, 116, 540, 548, 553). Ничего удивительного и в том, что Толстому приснился его близкий покойный друг Страхов. Однако то, что Грушенька и Страхов оказались в этом сне вместе и связаны какими-то (по-видимому, любовными) отношениями, несколько озадачивает и требует размышления. Тем более что это зерно нового художественного замысла.

Вот как пытался реконструировать его А. П. Сергеенко: «Возможно, что содержание рассказа состояло бы в том, что Грушенька повлияла бы на Страхова своей любовью к жизни, веселостью, эмоциональностью, широтой натуры, а Страхов облагораживающе воздействовал бы на нее своими умственными запросами». ² «Вряд ли сюжет произведения представлялся писателю столь идиллическим и „головным“, — отозвался об этой «реконструкции» В. А. Туниманов. ³

Иные, гораздо менее «идиллические» ассоциации вызвал сон Толстого у И. Л. Волгина: «Толстовский сон удивительным образом перекликается с неизвестной сновидцу, но памятной нам записью Достоевского — о „тайном сладострастии“ Страхова («несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен»). Недаром в этом сне Страхов предстает своего рода Федором Павловичем Карамазовым, но — „подпольным“, „зажатым“ и оттого еще более трагичным. И может быть, сюжет представляется Толстому „чудным“ именно благодаря точности психологического попадания». ⁴ Это представляется нам более близким к истине, однако, как отмечает сам исследователь, записи Достоевского о Страхове Толстой не знал.

Стоит поставить вопрос, что именно в 1910 году Толстой знал о Страхове, Достоевском и «Братьях Карамазовых» такого, что могло породить в его сознании столь неожиданное смешение двух планов. Тайна этого сна Толстого может приоткрыться, если мы объясним, как в сон о героине литературного произведения попало реальное лицо — Страхов.

Толстой и в самом деле не знал и не мог знать отзыва Достоевского о Страхове в рабочей тетради 1876–1877 годов. Однако целый ряд аналогичных откликов и, даже больше того, воплощение подобного характера в литературном герое Достоевского ему были известны. На самом деле Толстой как раз и знакомился с ними в это время. Ведь в «Братьях Карамазовых» есть герой, который представляет собой памфлет на Страхова — Михаил Ракитин. ⁵

Исследователи и раньше сознавали, что в этом образе Достоевский использовал кое-какой материал из своего замысла очерка о «семинаристах», из которых происходил Страхов. ⁶ Однако лишь недавно удалось выяснить, что образ Ракитина имеет

² Сергеенко А. П. Последние сюжеты // Лит. наследство. 1961. Т. 69: Лев Толстой: В 2 кн. Кн. 2. С. 288.

³ Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (Лабиринт сцеплений) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: Избр. статьи. СПб., 2013. С. 248. Это была последняя опубликованная при жизни исследователя статья (см.: Русская литература. 2006. № 3. С. 38–97).

⁴ Волгин И. Л. Толстой и Достоевский: разногласия в стиле (К истории одной невестры) // Текст и традиция: Альманах. СПб., 2013. [Т.] 1. С. 158.

⁵ Большинство деталей в изображении Ракитина представляют собой криптопародию на Страхова, однако некоторые из них — по всей видимости, для того, чтобы сколько-нибудь затушевать памфлетный характер этого образа — отсылают к другим литераторам. См.: Достоевский Ф. М. 1) Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 15. С. 539, 589, 597; Т. 19. С. 306–311; 2) Письма: В 3 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 574–575.

⁶ «Очерк о семинаристе, как типе, не будет осуществлен, — писал В. А. Туниманов о намерении, высказанном в рабочей тетради Достоевского, — но и бесследно не исчезнет: пригодится

характер криптографического памфлета на Страхова — причем памфлета неочевидного для обычного читателя, но прозрачного для близких знакомых Страхова и для него самого.⁷

Напомним, что известное письмо Страхова, в котором Достоевский отождествлялся со многими своими отрицательными героями и даже обвинялся в ставрогинском грехе, было адресовано именно Толстому и написано 28 ноября 1883 года, вскоре после выхода страховской биографии Достоевского⁸ (в которой ничего этого, разумеется, Страховым сказано не было).⁹

Ко времени своего ухода из Ясной Поляны Толстой совершенно забыл об этом письме. Это ясно из следующего факта. В феврале 1907 года Софья Андреевна рассказывала в Ясной Поляне о своей работе в Историческом музее, в котором к тому времени уже находились письма Страхова к Толстому: «Читала письмо Страхова к Л. Н. о Достоевском, биографию которого Страхов писал; пишет, что он был тщеславный, злой, развратный; как об этом писать? Решил умолчать, пусть зло погибнет». Толстой, как свидетельствует Д. П. Маковицкий, откликнулся на это с энтузиазмом, похвалив Страхова: «Вполне, вполне, вполне! Это на него похоже — и прекрасно».¹⁰

Однако в июле 1908 года Маковицкий рассказал в Ясной Поляне про фельетон В. Ф. Боцяновского «Сплетня о Достоевском» в газете «Русь» (1908. 11 июня. № 159), в котором опровергалось, что «Достоевский будто бы был безнравственной жизни, как недавно вспоминала Софья Андреевна, опираясь на письмо Н. Н. Страхова». На этот раз Толстой был огорчен и осудил письмо: «Л. Н. не знал, что такие вещи говорились о Достоевском: — Нехорошо было со стороны Страхова».¹¹ Так что можно определенно сказать, что ко времени своего «сна» отзыв Страхова о Достоевском Толстой вспомнил.

Читая «Братьев Карамазовых», Толстой мог — так же как, судя по всему, сделал это сам Страхов — узнать его в Ракитине. Это приоткрыло бы перед ним тайные мотивы негативного отзыва Страхова о Достоевском. Ему стало бы ясно, что, давая этот отзыв, Страхов, как ранее и предполагали исследователи, лишь болезненно реагировал на что-то со стороны самого Достоевского.

Только реагировал Страхов не на черновой отзыв Достоевского о нем в рабочей тетради, как полагали ранее.¹² Ведь даже если А. Г. Достоевская и предоставила эту тетрадь Страхову для знакомства (что вовсе не факт), то отзыв этот набросан настолько неразборчиво, что лишь совсем недавно исследователи смогли прочесть его подлинный текст.¹³ Страхов реагировал на образ Ракитина в «Братьях Карамазовых». Вот почему он обвинял Достоевского почти теми же словами, которыми тот заклеил самого Страхова на страницах романа.

В уже упоминавшейся черновой записи Достоевского о Страхове сказано: «...за какую-нибудь жирную грубо-сладоэмоциональную пакость *готов предать всех и все, и гражданский долг*, которого не ощущает, и *родину*, до которой ему все равно, и идеал,

при создании образа Ракитина в „Братьях Карамазовых“» (Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой. С. 273).

⁷ Подробнее см.: Кибальник С. А. 1) Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения // Русская литература. 2017. № 4. С. 40–51; 2) К загадке одной писательской диффамации: Почему Н. Н. Страхов оклеветал Ф. М. Достоевского? // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 55. С. 191–211.

⁸ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полн. собр. переписки: В 2 т. / Ред. А. А. Донсков; сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова. М.: Ottawa, 2003. Т. 2. С. 652–653 (Tolstoy Series; № 6–7).

⁹ Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 226.

¹⁰ Лит. наследство. 1979. Т. 90: У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого: В 4 кн. Кн. 2: 1906–1907. С. 385.

¹¹ Там же. Кн. 3: 1908–1909 (январь–июнь). С. 133.

¹² См.: Розенблом Л. М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 44–45.

¹³ См.: Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877). Критика текста. М., 2011. С. 50.

которого у него не бывает...».¹⁴ При этом под «грубо-сладострастной пакостью» Достоевский имел в виду любовь Страхова к сплетням, которая ему была действительно присуща и в которой Достоевский имел возможность убедиться — в том числе, по всей видимости, и на своем собственном опыте.¹⁵

В «Братьях Карамазовых» Ракинтин почти теми же словами — правда, уже в их прямом значении — обличает сладострастие Дмитрия Карамазова (объявляя при этом сладострастниками и других Карамазовых): «Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это *сладострастник* может понять), то и отдаст за нее собственных детей, *продаст отца и мать, Россию и отечество*».¹⁶

А теперь обратим внимание на то, как Страхов обвинял Достоевского в сладострастии в письме к Толстому: «Он был зол, завистлив, *развратен*... <...> Его *тянуло к пакостям*, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте, что, *при животном сладострастии*, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, — это герои „Записок из подполья“, Свидригайлов в „Прест[уплении] и Наказании“ и Ставрогин в „Бесах“...».¹⁷

Толстой мог узнать в Ракинине Страхова еще по одной причине. Криптографическая поэтика Достоевского была хорошо знакома Толстому по другим ее образцам — прежде всего по тем, которые были адресованы Достоевским самому Толстому. Скрытый интертекстуальный диалог Достоевский и Толстой, эти два хорошо знакомых незнакомца, вели на протяжении всей их жизни. После смерти Достоевского Толстой довершал его в одиночку.

Напомню, что Достоевский назвал князя Мышкина «Львом Николаевичем» и сопроводил его образ рядом интертекстуальных отсылок к «Люцерну»¹⁸ и, возможно, к «Войне и миру». Толстой же фактически переписал сюжетную линию Мышкина, Тоцкого и Настасьи Филипповны в своем последнем романе «Воскресение».¹⁹

Однако в первую очередь страховский подтекст образа Ракинтина не мог не навести Толстого на новые размышления о личности и судьбе Страхова, который именно в письмах к нему исповедовался на протяжении всего своего жизненного пути, причем особенно откровенно в последние полтора десятилетия, т. е. после письма о Достоевском. При этом драма личности Страхова, как он сам не раз формулировал ее в письмах к Толстому, была драмой бегства от жизни, отказа от семьи и т. п.

Приведу несколько коротких фрагментов из писем Страхова Толстому 1880–1890-х годов: «...я никогда не жил как следует. В эпоху наибольшего развития сил (1857–1867) я не то что жил, а поддался жизни, подчинился искушениям; но я так измучился, что потом навсегда отказался от жизни. Что же я *делал*, собственно, и тогда, и потом, и что делаю теперь? То, что делают люди отжившие, старики. Я *берегся*, я старался ничего не искать, а только избежать тех зол, которые со всех сторон окружают человека. <...> У меня нет ни семьи, ни имущества, ни положения, ни кружка — ничего нет, никаких связей, которые бы соединяли меня с жизнью»; «...я вовсе не живу»; «...я человек безжизненный, в котором мало души, нет воли в смысле живых стремлений. Я во всех сферах неудавшийся, ни в чем не сформировавшийся, ни в какую форму не отлившийся человек, потому что во мне не было настолько формирующей силы, притяжения к жизни»; «С 1868 года я не знаю жен-

¹⁴ Там же. С. 62. Курсив мой. — С. К.

¹⁵ Еще Л. М. Розенблюм высказала предположение, что Страхов мог участвовать в распространении слухов о ставрогинском грехе самого Достоевского, а Достоевский мог узнать об этом (см.: Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. С. 44).

¹⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 74. Курсив мой. — С. К.

¹⁷ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: Полн. собр. переписки. Т. 2. С. 652. Курсив мой. — С. К.

¹⁸ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 50; Т. 9. С. 432.

¹⁹ См. об этом, например: Перлина Н. Лев Николаевич Нехлюдов — Мышкин, или Когда придет Воскресение // Достоевский и мировая культура. СПб., 1996. Альманах № 6. С. 118–124.

щин и перестал пьянствовать, следовательно, началась для меня не жизнь, а жите, как выражался Писемский. Я пришел тогда в страшное состояние, боялся сойти с ума, и потому бросил все свое распутство и решил оттерпеться, чтобы спасти свой ум».²⁰

Неудивительно, что 26 января 1896 года, когда Толстой узнал о смерти Страхова, он записал в дневнике: «Я жив, но не живу. Страхов. Нынче узнал об его смерти» (53, 78; курсив мой. — С. К.). Его судьба в конце концов отпечаталась в сознании Толстого как драма добровольного отказа от жизни.²¹

В одном из своих писем Толстому Страхов писал: «Спрашивается. Чем же я живу? Чего от себя добиваюсь и в чем полагаю то хорошее, без стремления к которому мне было бы стыдно жить? Мне представляется, можно написать любопытный этюд, только очень грустный».²² Так, может быть, «чудный сюжет», который приснился Толстому 26 октября 1910 года, это и есть тот «любопытный этюд», который Толстой долгое время побуждал сделать самого Страхова из его собственной жизни и о котором теперь, поскольку тот так и не написал его, пришлось задуматься самому Толстому?

Каким же мог быть образ Страхова, оказавшегося в новом художественном произведении Толстого, в ситуации любовного романа с Грушенькой? Очевидно, что если иметь в виду реального Страхова, то это могла бы быть история старого философа, потерявшего голову от любви к молодой женщине, — «инфернальнице», как называл таких женщин, как Грушенька, сам Достоевский. Этакий «Голубой ангел» (1930), только не в кино, а в литературе. Своего рода «Игрок» Достоевского (я имею в виду сюжетную линию «генерал — Mlle Blanche»), переложенный на сугубо русскую и сугубо интеллигентскую почву.

Если же иметь в виду романтный образ Страхова в «Братьях Карамазовых», то для того, чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, в каких отношениях Ракидин находится с Грушенькой в романе Достоевского. Она его двоюродная сестра. Однако сам Ракидин возмущенно заявляет Алеше, что у него с ней не может быть ничего общего: «— Родственница? Это Грушенька-то мне родственница? — вскричал вдруг Ракидин, весь покраснев. — Да ты с ума спятил, что ли? Мозги не в порядке.

— А что? Разве не родственница? Я так слышал...

— Где ты мог это слышать? <...> Я Грушеньке не могу быть родней, публичной девке, прошу понять!»²³

То, что Грушенька, тем не менее, и в самом деле двоюродная сестра Ракидина, становится ясно, впрочем, только на суде над Дмитрием Карамазовым — т. е. уже во втором томе романа, который Толстой, если верить его собственному свидетельству, не читал.²⁴ Впрочем, в вопросе о том, что они читали, писатели не всегда искренни и не обязаны быть таковыми.

В первом же томе Ракидин приводит к Грушеньке Алешу Карамазова, которого она хочет соблазнить. Приводит, потому что та обещала ему за это двадцать пять рублей. Однако когда Ракидин приводит Алешу, Грушенька отказывается от своего намерения. Возможно, конечно, что, говоря о романе Страхова с Грушенькой, Толстой имел в виду потенциальную возможность любовной связи с ней Ракидина в романе Достоевского. Правда, подобная связь оказывалась бы довольно неожиданной и опровергала

²⁰ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полн. собр. переписки. Т. 1. С. 432–433, 441; Т. 2. С. 541, 910–911.

²¹ Не исключено даже, что сама по себе метафора «живой труп», использованная в заглавии пьесы 1900 года, была подсказана Толстому в том числе и драмой жизни Страхова. Оговорюсь, что сам Страхов говорил о себе как о живом трупе совсем в другом смысле, немного другими словами и отнюдь не был похож на Федю Протасова.

²² Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полн. собр. переписки. Т. 1. С. 473.

²³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 77.

²⁴ См.: Булгаков В. Л. Толстой в последний год жизни: Дневник секретаря Толстого. М., 1960. С. 392. Толстой читал «Братьев Карамазовых» по какому-то двухтомному изданию романа (см. также: 58, 121).

бы собственные слова Ракитина (ср. ремарку Алеши Карамазова, обращенную к Ракитину: «Ты к ней часто ходишь и сам мне говорил, что ты с нею связей любви не имеешь...»²⁵).

Ракитин, впрочем, не свободен от вожделения к Грушеньке, но в первую очередь его влекут к ней материальные интересы: он разжигается там деньгами. Так что подобная интерпретация сна Толстого представляется вполне вероятной. Толстой мог написать вариацию на сюжет «Братьев Карамазовых». Что после «Воскресения» представляется не таким уж невозможным. Ведь звучат же, хотя «отдаленно и приглушенно», мотивы романа «Братья Карамазовы», например, в драме Толстого «Живой труп».²⁶

Разумеется, даже учитывая, что образ Ракитина был скрытым памфлетом против Страхова, мы все равно не можем сказать, как развивался бы далее художественный замысел Толстого, если бы писателю хватило жизни на его воплощение. Скорее всего, Толстой и сам еще не знал этого, когда записал свой сон, и сюжет полностью сложился бы только в процессе реализации идеи.

Тем не менее высказанные предположения все-таки позволяют, как нам представляется, сделать небольшой шаг вперед к разгадке последнего яснополянского сна Толстого и вызванного им замысла нового художественного произведения писателя.

Размышления о романе «Братья Карамазовы» и порожденный ими сюжет о Грушеньке и Страхове, возможно, связаны не только с творчеством Толстого,²⁷ но и с многолетним диалогом писателя со Страховым (прямым и открытым) и с Достоевским (заочным и скрытым), а также с судьбой Толстого и даже с ее финальной точкой — уходом из Ясной Поляны незадолго до смерти.

²⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 78.

²⁶ См.: Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой. С. 312.

²⁷ См.: Там же. С. 306–316.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-116-130

© Н. Л. Быстров

К ПОНИМАНИЮ ОБРАЗА СОФИИ ПРЕМУДРОСТИ В ПОЭЗИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Тема Софии Премудрости привлекала Вяч. Иванова в разные периоды его творчества — от первой книги стихов «Кормчие звезды», когда близость его мировосприятия к системе религиозно-эстетических взглядов В. С. Соловьева (или, по более точному выражению С. С. Аверинцева, к тому «мыслительному континууму, у истоков коего стоял Владимир Соловьев»¹) была особенно тесной, до эпохи создания «Повести о Светомире царевиче». Помимо многочисленных стихотворений, насыщенных символикой Вечной Женственности (не обязательно Софии в строгом смысле), корпус ивановской поэзии включает в себя ряд текстов, где София выступает «под собственным именем» — как образ, который, наряду с очевидными приметами самостоятельного авторского решения, несет на себе следы влияния обширной «софиологической» традиции. Настоящая статья представляет собой попытку истолкования трех таких стихотворений.

¹ Аверинцев С. С. Вяч. Иванов как истолкователь Евангелия // Символ. 2008. № 53/54. С. 787.